

Оригинальная статья
УДК 81'272
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-167-183>

Переключение кодов в парах коми – русский и карельский – русский языки

**Александр Александрович Ершов¹, Виктория Андреевна Иванова²,
Любовь Александровна Ульяницкая^{3✉}**

^{1,3}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹aaershov@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3600-4946>

²andvikaivanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4196-6883>

^{3✉}ulianitckaia_liubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>

Введение. Языковая ситуация в Российской Федерации является уникальной, впечатляющей количеством используемых на ее территории языков, имеющих разный статус и разные сферы использования, что и объясняет актуальность данного исследования, которое посвящено анализу кодовых переключений в устной речи коми-русских и карело-русских билингвов. Научная новизна работы заключается в анализе кодовых переключений в упомянутых парах языков, что вносит известный вклад в развитие теории переключения языковых кодов.

Методология и источники. Методы сбора и обработки языковых данных включают в себя социолингвистические методы интервьюирования, анкетирования, наблюдения, количественный и описательный методы, материалом исследования стали записи диалогов с билингвами, а также выпуски газет «Коми му» и «Парма гор» за 2022 г. на предмет кодовых переключений.

Результаты и обсуждение. Для исследования переключения кодов в парах коми – русский и карельский – русский языки была использована классификация П. Майскена, делящего переключение кодов на альтернацию, инсерцию и конгруэнтную лексикализацию в зависимости от степени ассимиляции иноязычной ставки в матричный язык. Для устной речи коми-русских билингвов характерно частое использование русских дискурсивных и вводных лексем, наречий; существительные и прилагательные часто оформляются в соответствии с правилами грамматики коми языка; при использовании числительных информанты отдают предпочтение русским вариантам. Для устной речи карело-русских билингвов характерно активное обращение к словарному запасу русского языка, особенно при упоминании дат, чисел, вводных слов и конструкций; русскоязычные единицы довольно свободно оформляются по правилам карельского языка, встраиваясь в его падежную систему.

Заключение. Спонтанная речь информантов-билингвов содержит большое число переключений кодов, что может быть яркой демонстрацией языкового сдвига, и обуславливается целым рядом экстралингвистических и собственно лингвистических факторов, среди которых престиж языка, его функциональность, языковая ситуация, родной язык собеседника или желание носителя использовать тот или иной язык.

© Ершов А. А., Иванова В. А., Ульяницкая Л. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Карелия, Коми, переключение кодов, смешение кодов, социолингвистика, языки коренных народов РФ

Для цитирования: Ершов А. А., Иванова В. А., Ульяницкая Л. А. Переключение кодов в парах коми – русский и карельский – русский языки // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 167–183. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-167-183.

Original paper

Komi – Russian and Karelian – Russian Code-Switching

Alexander A. Ershov¹, Victoria A. Ivanova², Liubov A. Ulianitckaia³

^{1,3}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

²*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

¹*aaershov@etu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3600-4946>*

²*andvikaivanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4196-6883>*

³*ulianitckaia_liubov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>*

Introduction. The language situation in Russia is unique with a fair number of languages spoken on its territory and all of them having different status and scope of use. This implies the relevance of the study that focuses on the analysis of code-switching in the spoken language of the bilinguals speaking Komi and Russian and Karelian and Russian. The novelty of the study is implied by the analysis of the code-switching in the language pairs mentioned above. This contributes to the development of the code-switching theory.

Methodology and sources. The methods of language data collection and processing are sociolinguistic methods of interviewing, questionnaire, observation, quantitative and descriptive methods. The research material are scripted dialogues with bilinguals as well as the “Komi mu” and “Parma gor” 2022 issues.

Results and discussion. The study of the Komi-Russian and Karelian-Russian code-switching was conducted using P. Muysken’s topology of code-mixing. P. Muysken sees code-switching as alternation, insertion, and congruent lexicalization according to the degree of the foreign word assimilation in the matrix language. The features of the spoken language of the Komi-Russian bilinguals are the frequent use of Russian discursive and introductory lexical items and adverbs; the nouns and the adjectives usually following the grammatical rules of Komi; the respondents giving preference to Russian versions when using numerals. For the spoken language of the Karelian-Russian bilinguals it is typical to address to Russian vocabulary, especially when mentioning dates, numbers, and using introductory words and phrases; Russian words are also being quite easily transformed according to the Karelian grammar through its case system.

Conclusion. Spontaneous speech of the bilingual interviewees contains a great number of code-switching, that could be a convincing demonstration of the language shift and is conditioned by a number of extralinguistic and linguistic factors, such as language prestige, language functionality, language situation, the native language of the interlocutor, and the willing of the respondent to use a certain language.

Keywords: Karelia, the Komi Republic, code-switching, code-mixing, sociolinguistics, Indigenous Languages of the Russian Federation

For citation: Ershov, A.A., Ivanova, V.A. and Ulianitckaia, L.A. (2023), “Komi – Russian and Karelian – Russian Code-Switching”, *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 167–183. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-167-183 (Russia).

Введение. В современном мире все больше лингвистов и социолингвистов обращаются к изучению языковых контактов. Сложно найти государство, население которого было бы полностью монолингвальным, как правило, наоборот – государственные языки сосуществуют с региональными языками, языками коренных народов, и в зависимости от языковой политики в стране в контакте они либо становятся языками в конфликте, либо наблюдается языковая ассимиляция, либо достигается паритетное сосуществование языковых вариантов. В рамках изучения языковых контактов особое внимание уделяется билингвизму и процессам, связанным с переключением кодов при устной коммуникации.

Языковая ситуация в Российской Федерации представляет отдельный интерес, так как жители нашей страны говорят более чем на 130 языках коренных народов. К сожалению, в большинстве случаев наблюдается языковой сдвиг в сторону русского языка, который вытесняет остальные языки из всех социальных сфер, оставляя им лишь роль языков бытового общения. Учитывая языковое многообразие, представленное на территории России, воздержимся от обобщений, ведь есть языки, имеющие официальный статус (татарский, якутский, бурятский, коми, тувинский, хакасский, чувашский и др.), языки без официального статуса, но со значительным количеством носителей, языки, лишенные какого-либо статуса, на которых говорит уже только старшее поколение, языки, которые преподаются в школах и на которых ведется преподавание, языки, у которых остались только пассивные носители. Состояние этих языков сегодня является результатом долгих лет истории, зачастую трагических страниц в жизни коренных народов и неумолимых процессов урбанизации, индустриализации и глобализации.

Изучение и документация этих языков должны быть приоритетными задачами лингвистов и социолингвистов, которых волнует языковое разнообразие нашей страны и его постепенное исчезновение. В 2022 г. был предпринят ряд лингвистических экспедиций сотрудниками и студентами Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) для изучения языковой ситуации и кодовых переключений в парах карельский – русский и коми – русский языки в республиках Карелия и Коми соответственно. В данной статье отображены некоторые промежуточные результаты исследования смешения карельского и русского и коми и русского языков в речи билингвов, основанного на собранном языковом материале в ходе опроса информантов.

Методология и источники. Для исследования смешения и переключения кодов в устной спонтанной речи носителей коми языка в октябре 2022 г. была проведена экспедиция в села Дон и Усть-Кулом в Усть-Куломском районе и село Выльгорт в Сыктывдинском районе Республики Коми. Всего опрошено 15 чел., из них 12 – в Усть-Куломском и 3 – в Сыктывдинском районах. Возраст информантов – от 32 до 82 лет. Интервью проводились исключительно на коми языке по заранее разработанному опроснику. Отдельные вопросы были посвящены коми традициям, культуре и языку. Также были проанализированы тексты пяти выпусков периодических изданий «Коми му» и «Парма гор» за 2022 г. на предмет наличия в них русскоязычных лексем, не являющихся прямыми заимствованиями в коми языке.

Для исследования смешения и переключения кодов в устной спонтанной речи носителей карельского языка в августе 2022 г. проводилась экспедиция в город Олонец. В ходе исследования были опрошены 11 информанток в возрасте от 34 до 64 лет, которые являлись

коренными карелками родом из Олонецкого района Республики Карелия. Для исследования случаев переключения на русский язык в речи с информантками проводились беседы на родном (карельском) языке с опорой на вопросы составленной анкеты. Вопросы анкеты касались социологических (имя, место и дата рождения, семья, род деятельности) и социолингвистических (на каких языках информанты говорили в семье, учились, разговаривали с друзьями в прошлом и настоящем) аспектов.

Таким образом, методы сбора и обработки языковых данных обусловлены задачами исследования и включают в себя социолингвистические методы интервьюирования, анкетирования, наблюдения, количественный и описательный методы, а материалом исследования стали записи диалогов с коми-русскими и карело-русскими билингвами, в которых найдены примеры кодовых переключений.

Результаты и обсуждение. В лингвистике существует достаточное количество различных классификаций билингвов: с точки зрения уровня владения языками и возраста освоения второго языка билингвизм рассматривается и по прагматическому критерию, и по культурологическому, но главным остается одно: билингв – это человек, свободно разговаривающий на двух языках. В зависимости от коммуникативной ситуации индивид выбирает тот или иной языковой код, однако нередко ситуации, в которых билингв осознанно или нет комбинирует два языковых кода, смешивая их и переключаясь с одного на другой. Не останавливаясь подробно на подходах к разграничению переключения кодов и смешения кодов, обозначим, что рассматриваем переключение кодов как мотивированный переход с одного языка на другой (например, в зависимости от уровня владения тем или иным языком собеседника или необходимости выбора того или иного кода с точки зрения интенции коммуникации), которое, скорее, происходит интрасентенциально, т. е. между законченными синтагмами, предложениями. Тогда как смешение кодов – это процесс более бессознательный, произвольный, немотивированный, который происходит интерсентенциально, внутри одного предложения, а иногда даже и одной лексической единицы. Далее в этой работе чаще используем термин «переключение кодов», который до сих пор является более общим и включает в себя различные аспекты языковых контактов в речи билингва. Смешением кодов некоторые ученые называют сам процесс соединения в речи билингва двух языков, а переключением кода – непосредственный видимый языковой результат этого смешения. Раньше многие лингвисты придерживались мнения, что смешение кодов происходит от недостаточной языковой компетенции носителя языков или от нежелания подобрать подходящее выражение или лексему в одном языке и последующее использование языковой единицы из другого языка. Однако сегодняшние ученые менее категоричны и относятся с большим вниманием к психолингвистическим факторам смешения языковых кодов. Метафорически сознание билингва можно представить либо как единый центральный резервуар с двумя различными кранами (*interdependent memory*), либо как два самостоятельных резервуара (*independent memory*), хотя справедливее объединить эти подходы в одну компромиссную модель взаимодействующих и даже взаимопокрывающих языковых систем [1].

Один из главных вопросов, который стоит перед изучающими переключение и смешение языковых кодов, заключается в том, подчиняется ли этот процесс грамматическим правилам, и если да, то насколько они универсальны и обязательны, существуют ли жесткие

ограничения, накладываемые на эти процессы, можно ли выделить четкие паттерны, по параметрам которых происходит смешение кодов в любой языковой паре? А. Е. Проценко в своей статье «Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике» упоминает о психолингвистическом эксперименте профессора стокгольмского университета К. Хюльтенстама, который, исследовав переключение кодов у пациентов с различными нарушениями (в частности, с афазией), пришел к выводу: переключение кодов лингвистически структурировано у таких людей тем же способом, что и у здоровых билингов, а это можно считать весомым аргументом в пользу существования единых матриц, по которым происходит кодовое переключение и смешение [2].

К. Майерс-Скоттон, Ш. Поплак, Ди Шулло, Э. Вулфорд, С. Н. Шридхар и другие ученые выдвигали свои теории относительно существующих ограничений на переключение и смешение кодов, однако многие последователи находили опровергающие их примеры кодовых смешений в парах языков, которые предыдущие исследователи билингвизма не рассматривали. Питер Майскен предложил следующие три стратегии смешения и переключения кодов [3]: альтернацию, для которой характерно отсутствие взаимодействия между системами двух языков, что проявляется в переключении преимущественно на границах клауз или адьюнктных непосредственных составляющих; инсерцию, которая характеризуется асимметрией между языками (составляющие из одного языка оказываются как бы включены в большие составляющие из другого языка); конгруэнтную лексикализацию, для которой характерным является объединение двух систем в одну, причем получившаяся структура заполняется элементами из двух языков достаточно случайно. Эти стратегии справедливо не задают конкретных моделей смешения кодов, поэтому применимы ко многим парам языков, и именно с позиции стратегий П. Майскена мы рассмотрели некоторые примеры в смешении коми и русского и карельского и русского языков.

Переключение кодов в устной речи жителей Республики Коми. По данным переписи населения 2010 г., коми составляли 76,9 % (20 352 чел.) в Усть-Куломском районе и 45,9 % (10 349 чел.) в Сыктывдинском районе [4].

Коми (коми-зырянский) язык относится к пермской ветви финно-угорской языковой семьи [5]. По итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. на территории Республики Коми проживает 127 089 чел., указавших своей национальностью коми (17,2 % от общей численности ее населения). При этом из проживающих в Республике владеют коми языком только 101 626 чел. [6]. Г. А. Некрасова [7] отмечает, что коми язык не является социально значимым языком для коми населения, и большинство представителей коми свободно общаются на русском языке. Наблюдается постепенное вытеснение коми языка русским не только в городских, но и в сельских поселениях. Наиболее низкий уровень знания языка наблюдается у горожан. При этом люди, владеющие коми, являются в основном билингвами, что характерно для большинства национальных республик. Одна из важных особенностей билингвизма – значительное отличие в степени владения родным и русским языком. Так, уровень языковой компетентности может отличаться не только между разными индивидами, но и непрерывно изменяться у одного носителя в процессе изучения им одного из языков. У билингов, проживающих в двуязычной среде, наблюдаются явления переключения и смешения языковых кодов. Интерференционные явления могут наблюдаться на всех

уровнях языковой системы. Переключение может происходить как между предложениями в тексте, так и между словами и целыми фразами в рамках одного предложения [7–9].

В результате смешения кодов в комиязычной речи информанта русскоязычные лексические единицы используются как в адаптированной форме, так и в соответствии с нормами русского языка.

К переключению кодов, или к альтернации, по П. Майскену, можно отнести следующие примеры русскоязычных вставок, чаще всего представленных дискурсивными и вводными словами и выражениями, частицами, союзами, например: «...пенсия вылын, значит...» («...на пенсии, значит...»), «...конечно, да, колантор...» («...конечно, да, важно...»), «...обычаяс, например, уна. Менам деревня, например, и вообще любой деревня...» («...обычаев, например, много. Моя деревня, например, и вообще любая деревня...»), «Коді коми, коми йӧз, то конечно...» («Кто коми, коми народ, то конечно...»), «Значит все-таки оз вун...» («Значит все-таки не забыл...»), «Только эг велӧд школаын...» («Только не учил в школе...»), «...чисто коми, потому что мамӧ вӧлі чисто коми...» («...чисто коми, потому что мама была чисто коми...»). Отдельно отметим пример: «Даже вот сразу ме ог вермы...» («Даже вот сразу я не могу...»), в котором лексема *вот*, хотя и включена в нормативный словарь коми-русского языка, в данном контексте, вероятно, является частью устоявшегося выражения русской разговорной речи *даже вот сразу*.

К альтернации можно отнести и примеры вставки русскоязычных наречий: «...сэнi тоже вӧлі...» («...там тоже был...»), «Гижӧ нормально даже...» («Пишу нормально даже...»), «Картупель, юква, обязательно...» («Картофель, уха, обязательно...»), а также наречия *уже, особенно, пока, наоборот, просто*.

Существительные, выступающие в роли подлежащего или дополнения, могут изменяться по правилам русского языка и включаться вместе с предлогами, например: «...мена*м* грамотность на высоте...» («...у меня грамотность на высоте...»), «Перед школой ме...» («Перед школой я...»), «Эг велодчи по состоянию здоровья» («Не учился по состоянию здоровья»), «Шуӧны Василием» («Зовут Василием»), «Места эз сетны вне конкурса» («Места не давали вне конкурса»). В следующих примерах существительные имеют начальную форму, так как выступают в роли подлежащего или дополнения в винительном падеже: «Кага чужіс, девочка» («Ребёнок родился, девочка»), «...озеро зэв ыджыд...» («...озеро очень большое...»), «...тӧрыт ӧти женщина...» («...вчера одна женщина...»), «Быттьӧ скорлупа...» («Как будто скорлупа...»).

Прилагательные, выступающие в роли определения, включаются без изменений гораздо реже, нежели адаптированными: «...начальная школа помалі...» («...начальную школу закончил...»). В этом примере прилагательное *начальная* изменено в соответствии с родом русского слова *школа*, несмотря на то, что последнее включено в нормативный словарь коми языка, а само словосочетание *начальная школа* осталось несогласованным и по правилам русского языка должно иметь окончания аккузатива. В примере «...мыйкӧ, столярное да мый...» («...что-то, столярное и что...») определение *столярное* может относиться к существительному *дело*, которое было упущено в ответе, поэтому имеет окончание среднего рода *-ое*.

Неадаптированными в предложения также включаются устоявшиеся словосочетания и фразы, свойственные разговорной речи, например: «Мый вӧчан, ну тут немножко» («Что

делаешь, ну тут немножко»), «Дзик ставыс понемножку, кедр эм...» («Совсем всё понемножку, кедр есть...»), «А смотря кутшом урок...» («А смотря какой урок...»), «...меным не очень...» («...мне не очень...»), «...как раз важся сёян-юан...» («...как раз старинная пища...»), «Но сэки как раз вöлі вроде бы шоныд...» («Но тогда как раз было вроде бы тепло...»).

К примерам инсерции, по П. Майскену, можно отнести следующие случаи адаптации русскоязычных прилагательных в матричном коми языке: «...менам öні незаконченнöй вышöй...» («...у меня сейчас незаконченное высшее...»), «Лöнь, ме шуа, но добродушнöй.» («Спокойный, я говорю, но добродушный.»), «Коми морт шуöны зэв добрöй, зэв гостеприимнöй.» («Коми человека называют очень добрым, очень гостеприимным.»), «...но менам вöлі длиннöй рубашка.» («...но у меня была длинная рубашка.»). Видно, что для прилагательных характерна замена окончания исходного слова на -öй, например, добрый – добрöй. Существительные подвергаются морфосинтаксической адаптации в соответствии с нормами коми языка путем присоединения суффиксов и/или послелогов: «Папаöй Украинаысь, вот, а мамöй местнöй.» («Папа из Украины, вот, а мама местная.»), «...и велöдчысьяс и отпусникъяс...» («...и учащиеся и отпусники...»), «А тайö соседъяслөн...» («А этот у соседей...»), «...бабушкалөн квартираö...» («...в бабушкину квартиру...»), «...а улыс пенокблясьяс...» («...а низ из пеноблоков...»), «...рыбакъяс дорын...» («...около рыбаков...»), «Уджалис вöрын сучкорубөн...» («Работал в лесу сучкорубом...»), «...озеросö тöдан мянлысь...» («...озеро ведь наше...»). В следующих примерах русскоязычные лексические единицы не подвергались изменениям, однако были использованы послелогии для указания места: «День рыбака вылын...» («На день рыбака...»), «Ну, вот, ме тiянлы зеркало йывсьяс висьталi...» («Ну, вот, я вам о зеркале рассказал...»).

Глаголы в основном адаптируются в соответствии с нормами коми языка: «Сiйö тожö кончитiс, мыйкö...» («Он тоже закончил, что-то...»), «Пенсия получайта...» («Пенсию получаю...»), «Менам бабушка нянчитiс...» («Моя бабушка нянчилась...»), «Тыяс няйт образуйчö...» («В озере образуется грязь...»), «Кор созрейтö, значит мöд цвет появитчö.» («Когда созреет, значит второй цвет появится.»). Редко встречаются примеры, когда глагол изменяется в соответствии с русскими грамматическими нормами: «...мый тэ должен вöчны...» («...что ты должен делать...»). Здесь модальный глагол *должен* составного сказуемого *должен вöчны* (должен делать) имеет форму 2-го лица единственного числа для согласования с подлежащим *тэ* (ты), а глагол *вöчны* имеет форму инфинитива.

Во фразе «Пу керка, да, кöртом просто обшитöма.» («Деревянный дом, да, железом просто обшит.») интерес представляет лексема *кöртом*. Информант склоняет лексему *кöрт* (железо) по нормам русского языка и добавляет окончание творительного падежа -ом. Другой пример содержит в себе коми лексему *ур* (белка) с использованием окончания множественного числа русского языка -ы: «А уры танi часто...» («А белки здесь часто...»). Другой информант одновременно использует как предлог *в*, так и послелог -ын, обозначающие место: «...в садикын...», дублируя тем самым местный падеж на двух языках.

Отдельно стоит рассмотреть употребление в речи топонимов и числительных. Названия некоторых населенных пунктов используются информантами исключительно по-русски. В следующих примерах происходит адаптация топонимов к нормам коми языка: *Усть-*

Куломскöй район (Усть-Куломский район), чужис Усть-Куломын (родился в Усть-Куломе), Усть-Кулом сиктын (в селе Усть-Кулом), Кужба сикт (село Кужба), Усть-Куломскöй шöр школа (Усть-Куломская средняя школа). А в следующих примерах такой адаптации уже нет: тайö жö, Усть-Куломский район (там же, Усть-Куломский район), Сыктывдинский район (в Сыктывдинском районе). В примере «село Донын» говорящий употребляет русскую лексему село вместо коми – сикт и применяет суффикс инессива к названию села: Дон-ын. Другой пример: Екатерининский канал дорын (около Екатерининского канала). Здесь название канала сохранило русское окончание начальной формы -ий, но применен пространственный послелог дорын.

При использовании числительных информанты отдают предпочтение русским вариантам, например: «Сийö вöли четвёртый год...» («Он был четвёртый год...»), «Сэни восьмой класс, ещö Усть-Куломын десятый, одиннадцатый.» («Там восьмой класс, ещё в Усть-Куломе десятый, одиннадцатый.»), «Первый до четвертого, а с пятого класса быттьö мыйкö всё...» («Первый до четвёртого, а с пятого класса будто почему-то всё...»), «...но на сварку я почти сдайти на четыре. Если макет сдайти, то бы вöли пять.» («...но на сварку я почти сдал на четыре. Если макет сдал, то бы было пять.»), «...тожö сідзи пять часов...» («...тоже так пять часов...»). В следующих примерах после русского числительного в начальной форме употребляется русская лексема год, к которому добавлен суффикс инессива -ын: шестой годын, пятьдесят восьмой годын, девяносто седьмой годын, восемьдесят девятый годын. В предложении «Муні первый класс...» («Пошёл первый класс...») информант не употребляет ни предлога, ни послелога для связи глагола движения с направлением, на что, вероятно, могло повлиять использование числительного первый.

Большинство предложений информантов содержат целые фразы на русском языке, которые попеременно могут либо адаптироваться под нормы коми языка, либо оставаться без изменений, что можно отнести к примерам конгруэнтной лексикализации по П. Майскену. Например: «Ну, нормальнöй, абу ыджыд, по сравнению с Сыктывкаром абу ыджыд.» («Ну, нормальный, не большой, по сравнению с Сыктывкаром не большой.»), «Дзик, прямо от гвоздя до гвоздя. Дзик сами, всё-всё-всё сами.» («Совсем, прямо от гвоздя до гвоздя. Совсем сами, всё-всё-всё сами.»), «...потому что сийö генеральный директор, мейсь главнöй-джык...» («...потому что он генеральный директор, главнее меня...»), «Сейчас всякöй булочкаяс, пирöгьяс, ягода пирöгьяс...» («Сейчас всякие булочки, пироги, ягодные пироги...»), «...четыре класс, наверно, только вöли...» («...четыре класса, наверно, только было...»), «...миян родын, например, ставныс зев трудолюбивöйöсь, по себе сужу.» («...в нашем роду, например, все очень трудолюбивые, по себе сужу.»), «Ме считайта сідзи, мый Комиын кö олан, ты должен тöдны ассъид, мыйкö, язык-то.» («Я считаю так, что если живёшь в Коми, ты должен знать свой, это, язык-то.»), «...ветеранское движение, вот, специальнöй программа эм...» («...ветеранское движение, вот, есть специальная программа...»), «Ми, между прочим, коми обычай-тö, мыйкö керан, поддерживайтам.» («Мы, между прочим, коми обычай-то, что делаем, поддерживаем.»), «...”Магнитсьыс” вся страна ньöбö...» («...из «Магнита» вся страна покупает...»), «Сийö, между прочим, ижемскöй песня, абу миян...» («Это, между прочим, ижемская песня, не наша...»), «Сылы трудовöй книжка...сэни гижöма...первöй вöли хранителем музейных предметов, сесся лоис

младший научный сотрудник, сесся лоис старший научный со-трудник.» («Ему трудовая книжка...там написано...сначала был хранителем музейных предметов, потом стал младший научный сотрудник, потом стал старший научный сотрудник»). В примере «...а вот дом номер уже ог төд...» («...а вот номер дома уже не знаю...») лексема *дом* имеет начальную форму и сохранен порядок слов, присущий нормам коми языка. В примере «*Вот велөдіс съедобной грибы вотны*» («Вот научил собирать съедобные грибы») лексема *грибы* имеет форму множественного числа в соответствии с правилами русского языка, а определение *съедобной* адаптировано к коми. В следующем примере порядок слов адаптирован под нормы коми языка, определения *ыбской* и *средней* остались без изменений, а лексема *школа* имеет окончание родительного падежа: «...вөлі директор ыбской средней школы веськөдлысьөн...» («...был заместителем директора ыбской средней школы...»). В примере «...председатель сельсовета ещө вөлі перед пенсией...» («...еще был председателем сельсовета перед пенсией...») лексема *председатель* употребляется в начальной форме, а обстоятельство времени *перед пенсией* имеет форму творительного падежа. В следующем предложении лексема *стих* имеет форму единственного числа, так как в случае использования наречия *уна* (много) существительное сохраняет начальную форму без добавлений суффиксов множественного числа: «Зэв уна төді стих...» («Знал очень много стихов...»).

Также в ходе опроса информант мог полностью переключиться на русский язык и закончить свою мысль по-русски: «*Аслам семья, 30 лет я жила в Югыдьяге.*» («Наша семья, 30 лет я жила в Югыдьяге.»), «*Вөрсө ёна лэдзісны и щас эти лесные посёлки как бы разваливаются...*» («Леса сильно заготавливали, и щас эти лесные посёлки как бы разваливаются...»), «*А тані пока село живёт...*» («А здесь пока село живёт...»), «...*комиён, мыйкө, на бытовые темы, с коллегами.*» («...по коми, что-то, на бытовые темы, с коллегами.»), «...*кызь вит километра сайө, вот, переправа, бездорожье, пешком ходили.*» («...за двадцать пять километров, вот, переправа, бездорожье, пешком ходили.»), «*Ветымын во, пятьдесят три года, наверно, прожили вместе.*» («Пятьдесят лет, пятьдесят три года, наверно, прожили вместе.»).

Таким образом, спонтанная речь информантов содержит большое число переключений и смешений. Переключение кодов может сопровождаться процессом дублирования слов или целой фразы, и при этом используются языковые единицы разных языков. После вставки в свою речь лексической единицы или целой фразы на русском языке информант исправляется, добавляя перевод на коми, например: «...*Ивановская областьтын, Иванов областьтын...*» («...в Ивановской области, в Ивановской области...»), «*Веськөдлысьөн, заместителем три года, кум во ме уджалі.*» («Заместителем, заместителем три года, три года я работал.»), «*Миян сэні вөлі школа по первый, по четвёртый класс, первөй и нельөд класс.*» («Там была наша школа по первый, по четвёртый класс, первый и четвёртый класс.»), «...*уна рыбагыяс, чери кыйысыяс...*» («...много рыбаков, рыбаков...»). В последнем примере к лексеме *рыбак* ошибочно добавлен суффикс множественного числа *-яс*. Информант может дублировать высказывание для того, чтобы облегчить понимание и донести смысл более точно, например: «*Сійө и шань – добрый, и рам – такой, спокойный.*» («Он и добрый – добрый, и спокойный – такой, спокойный.»), «...*по-коми вывті уна вөлі, очень много было...*» («...по-коми очень много было, очень много было...»), «...*по десять, по тридцать килограмм*

луннас – в день...» («...по десять, по тридцать килограмм в день – в день...»). В примере «...лыж бедьён, то есть скандинавская ходьба...» информант не смог найти коми эквивалент термину *скандинавская ходьба* и, вероятно, начал объяснять термин через описание процесса действия *лыж бедьён – лыжной палкой*. Дублируемые слова или фразы могут быть включены в нормативный коми-русский словарь, как, например: «...среднёй школа, шёр школа...» («...средняя школа, средняя школа...»), «...рөдвуж чой, рөднөй чой...» («...родная сестра, родная сестра...»). Если фраза по-коми не вспоминается информантом, он может проинформировать об этом интервьюера, например: «...комиос ог төд кыдзи, по-коми не знаю, как, свекровь...» («...по-коми не знаю, как, по-коми не знаю, как, свекровь...») или «Позьё рочён кё шуны, гармония с природой.» («Можно сказать, если по-русски, гармония с природой.»).

Также были проанализированы тексты пяти выпусков периодических изданий «Коми му» и «Парма гор» за 2022 г. на предмет переключения с коми на русский язык. Наибольшее число обнаруженных лексических единиц являются специализированными терминами. Так, например, частое появление следующих медицинских терминов обусловлено распространением вируса COVID-19: *коронавирусысь* (ед. ч., элатив), *ковидыс* (ед. ч., определенно-притяжательный суффикс, 3 л.), *коронавирусыд* (ед. ч., определенно-притяжательный суффикс, 2 л.), *пневмония* (ед. ч., номинатив), *санитайзерён* (ед. ч., инструментатив), *антисептикаён* (ед. ч., инструментатив), *пандемия* (ед. ч., номинатив). Среди специальных терминов можно выделить: *морозильник* (ед. ч., номинатив), *маммограф* (ед. ч., номинатив), *бодибилдинг* (ед. ч., номинатив), *камуфляж* (ед. ч., номинатив), *татуировка* (ед. ч., номинатив), *пирсинг* (ед. ч., номинатив), *сапропель* (ед. ч., номинатив), *ревербератор* (ед. ч., номинатив), *видеороликъяс* (мн. ч., номинатив), *видеоклипын* (ед. ч., инессив), *видеокамераяс* (мн. ч., номинатив), *роликъяссö* (мн. ч., аккузатив), *приложение* (ед. ч., номинатив), *вакансияс* (мн. ч., номинатив), *шлифовальщицаён* (ед. ч., инструментатив), *ингаляцияс* (мн. ч., номинатив), *гаджетын* (ед. ч., инессив), *ячейкаяс* (мн. ч., номинатив), *навигатор* (ед. ч., номинатив), *компенсация* (ед. ч., номинатив), *тюбингён* (ед. ч., инструментатив), *фотоловушкаён* (ед. ч., инструментатив).

Часто встречаются принятые в русском языке сокращения, например: *минцифрыысь* (ед. ч., элатив), *минздравысь* (ед. ч., элатив), *медикъяс* (мн. ч., номинатив), *этнотуризм* (ед. ч., номинатив), *этнокультура* (ед. ч., номинатив), *нацпаркын* (ед. ч., инессив), *нацпроект* (ед. ч., номинатив), *автокранён* (ед. ч., инструментатив), *госуслуги* (ед. ч., номинатив), *автоцистерна* (ед. ч., номинатив), *медоборудование* (ед. ч., номинатив), *флюороустановка* (ед. ч., номинатив). Реже встречаются определения и дополнения: *моральной лёк* (моральный ущерб), *графической дизайн* (графический дизайн), *мультимедийной проектор* (мультимедийный проектор). Отдельно можно отметить лексемы, написанные по правилам орфографии русского языка: *собрание* вместо *собранныё*, *оборудование* вместо *оборудованныё*, *самодетельность* вместо *самодетельностьлён*, *честь* вместо *чесьт*, *ярмарка* вместо *ярманга*. Как видно из приведенных примеров, в отличие от устной спонтанной речи лексические единицы в текстах чаще адаптированы к нормам коми языка. Слова, приведенные в начальной форме, либо выполняют в предложениях роль подлежащего в единственном числе, либо являются дополнением в единственном числе, изменение которого не требуют нормы коми языка.

В речи русско-коми билингва постоянно происходят переключения и смешения кодов. Вследствие большого числа вводных и дискурсивных слов, наречий, а также словосочетаний и фраз, свойственных разговорной речи русского языка, примерно в 60 % случаев лексема включается в речь коми билингва без морфосинтаксической адаптации. Примерно четверть ответов состоит из предложений, в которых практически в равных количествах включены как лексемы, измененные в соответствии с правилами коми языка, так и неадаптированные. Существительные вводятся в предложения адаптированными при помощи суффиксов и послелогов. Прилагательные оставляются в начальной форме с заменой окончания на *-ой*.

Переключение кодов в устной речи жителей Республики Карелия. На сегодняшний день Карелия остается единственной республикой в составе Российской Федерации, на территории которой язык титульной нации не имеет статуса второго государственного. Количество носителей карельского языка сократилось в 2,5 раза на территории РФ (РСФСР) с 1989 по 2010 г. (с 62 000 [10, с. 38] до 25 000 носителей [6]) и в 2 раза за промежуток с 2002 по 2010 г. на уровне республики (с 35 000 [11] до 16 876 носителей [6]). Последняя проведенная на данный момент перепись населения 2020 г. зарегистрировала всего 13 872 носителя карельского языка по Российской Федерации в целом [6]. В «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО [12] карельский язык – один из пятидесяти языков РФ, находящихся под угрозой (статус «definitely endangered») на основании данных российской переписи населения 2002 г. наряду с коми, сету, марийским и др. Степень сохранности оценивается по тому, как язык передается между поколениями: статус «под угрозой» означает, что язык не изучается детьми как родной.

При анализе интервью русско-карельских билингвов были найдены 89 примеров, иллюстрирующих активное смешение и переключение кодов в их речи.

Альтернатива по П. Майскену (38 примеров), среди которых:

1) числительные, даты (12 примеров): «*Se oli 66-й год*» («то был 66-й год»), «*se oli 35-й квартал*» («это был 35-й квартал»), «*Minä do 70 лет ruavoin školas.*» («Я до 70 лет работала в школе.»), «*Guškolos, в 59-м году*» (На вопрос: «Когда и где вы родились?» – «В Гушкола, в 59-м году.»), «*Minä opastuin Petroskoi, vevven opastuin... в 65-м году...*» («Я училась в Петрозаводске, в году... в 65-м году...»), «*Riipuškalan školos, восемь.. yheksa kluasua? Kaheksa kluasua, ну...*» («В Рыпушкальской школе, восемь... девять классов? Восемь классов, ну...»), «*A Riipuškalan tuö tulimmo jo в 64-м году.*» («А в Рыпушкалицы мы приехали уже в 64-м году.»), «*A konzi в 90-е годы oli разруха...*» («А когда в 90-е годы была разруха...»), «*Konzi? – 21 августа 61 года...*» (ответ на вопрос: «Когда?»), «*Konzi? 15-ого, так... viizi tostu... май месяц, maijal, tuhat ... девятьсот...kaheksa sadaa... kuuzi tostu второй, kahten, вот...*» («Когда? 15-го, так... пятнадцать... май месяц, тысяча девятьсот... восемьсот... Шестнадцать.. второй, вот...»), «*Киномеханикан ruavoi, в 56-м году...*» («Кинотехником работала, в 56-м году.»), «*...livvikse paista, vahnembat maltetah vai, этот, 70-е годы, так что...*» («...по-ливвиковски говорит, родители понимают, этот, 70-е годы, так что...»);

2) вводные слова, междометия, союзы (9 примеров): «*[opastumma] ven'al kielyd, потому что...*» («учили русский язык, потому что...»), «*то, что kaheksa, то что вот, так что...*» («то, что восемь, то что вот, так что...»), «*ну вот, minä ruavoin karjalan kielyd*

*opastan, vahnembile, nygöi on jo в доме культуры... kui se karjalakse sanuo... kul'ttuurin keskus, в центре, да?..ну вот, nygöi olen kaksi vuotta ministerstvan [неразборчиво]...» («Я работала преподавателем карельского, взрослым, сейчас уже в доме культуры... как это по-карельски сказать... в культурном центре, в центре, да?.. ну вот, теперь я два года в министерском [неразборчиво]...»), «*vot, se on, конечно, suuri suuri hädä*» («вот, это, конечно, большая-большая беда»), «*то, что räivü, se on Спасов День*», «*Ei, наверное, karjalazet...*» («Нет, наверное, карелы...»), «*Nygöi, к сожалению, minä u sizar...*» («Сейчас, к сожалению, я и сестра...»), «*Guškalas pagizimto karjalakse, потому что...*» («В Гушкала говорили по-карельски, потому что...»), «*...vot, наверное... yhten vuoven, либо ruolen vuotta.*» («...вот, наверное, один год, либо полгода.»). Также в карельской речи информанток встречались русские вставки *хотя, не только, если, в общем, тоже*;*

3) полнозначные лексические единицы (19 примеров): «*Minä olen зоотехник*» («Я зоотехник»), «*Tuatto oli мастер по строительству*» («отец был мастер по строительству»), «*Se oli зверосовхоз*» («То был зверосовхоз»), «*Se oli brossupudro обычно, да?*» («Обычно была пшенная каша, да?»), «*hai lugit как будто hai [неразборчиво] наизусть...*» («Она читала, как будто наизусть...»), «*Puaksuhgo oli karjalan kielen urokkoit? – Ei olluh вообще, совсем ei olluh.*» («Были ли у вас уроки карельского языка? – Не было вообще, совсем не было.»); «*ei olluh, вообще*»; «*Minä pagizen полностью karjalakse, потому что minul oli mama [pagize] karjalakse.*» («Я говорю полностью по-карельски, потому что моя мама [говорила] по-карельски.»), «*Nygöi on urokkoit карельский да финский, а тую opastimto ven'alan kieli.*» («Сейчас есть уроки карельского и финского, а мы учили русский язык.»), «*Mittuine teijän opastimine? – Среднее специальное.*» («Какое у вас образование? – Среднее специальное.» – дважды такой ответ), «*Minul on kolma lastu, elättä otдельно.*» («У меня два ребенка, живут отдельно.»), «*Mejan матушка opastai...*» («Моя матушка учила...»), «*Minä suvaičin lehmii, do сих por minä suvaičen.*» («Мне нравились коровы, до сих пор нравятся.»), «*A miel oli kaksi školat: yksi oli suomalažet škola, номер два, a toine oli... [..] sie oli русская школа, ven'a škola.*» («А у меня было две школы: одна была финская школа, номер два, а другая... то была русская школа.»), «*Mil kielel opastitgo školas? – minä – ven'an kieli u английский язык.*» («Какие языки вы изучали в школе? – Я – русский и английский язык.»), «*Minä suvaičin математику.*» («Я любила математику.»), «*Huö nygöi нуо.. huö понимают, они понимают; ei paista...*» («Они сейчас... они понимают, не [говорит]...»), «*Muö pagizimto karjalakse, olimto иностранцы.*» («Мы говорили по-карельски и были иностранцами.»), «*Ei olluh домоводство, opastin brihaččuloi traktorat, ei mielytit вовсе.*» («Не было домоводства, училась с мальчиками по тракторам, мне совсем не нравилось.»).

Инсерция по П. Майскену (23 примера). Среди примеров, иллюстрирующих смешение кодов, часто наблюдается применение падежной системы матричного карельского языка к русскоязычным лексическим единицам. В примерах встречается **инессив** (внутренне-местный падеж нахождения – где? В ком, в чем?, окончание -s): «*Vahnembat ruattih связис, a mama ruadoi доярка.*» («Родители работали в связи, а мама работала дояркой.), «*Vahnembat ruattih подсобнойс хозяйствос.*» («Родители работали в подсобном хозяйстве.»), «*Minä olin олимпиадас.*» («Я была на олимпиаде.»), «*...se opastuin vuuzi vuotta, sit vuuzi vuotta университетас государственнос зоотеникомуксе.*» («...там училась пять лет, потом пять лет

в государственном университете на зоотехника.»); **транслатив** (превратительный падеж – кем? Чем? Каким?, окончание *-kse*): *зоотеникомуксе* – «на зоотехника»; **иллатив** – внутренне-местный направительный падеж – куда?, окончание *-h*): «*Саоддиеках kavvyn, u suvaičín ven'alaštu kiellu.*» («Ходила в садик и любила русский язык.»), «*Minun pidäy lahtih internattah.*» («Мне нужно было ходить в интернат.»).

Также русскоязычные лексические единицы принимают окончание множественного числа в соответствии с нормами карельского языка: «*Midä kačotto televiizoral?* – *Novostit.*» («Что смотрите по телевизору? – Новости.»), «*Ken hyvin opastui sil annetteh nutěvкам.*» («Кто хорошо учился, тем давали путевки.»).

В словаре карельского языка есть множество слов, заимствованных из русского языка. В первую очередь это слова, связанные с советскими реалиями и бытом: колхоз – *kolhouzi*, совхозный – *sovhouzan*, актив – *aktiivu*, агроном – *agronoumi*, машина – *mašin*. Однако иногда карельские информанты использовали русскоязычную лексему, несмотря на существующие исконные карельские варианты, придавая им карельский «вид». Примеры представлены в виде схемы: фраза информанта – перевод на русский язык – уточнение исконной карельской лексической единицы:

• *май месяц, maijal* – *май месяц, в мае* – «май» в ливвиковском наречии карельского языка – *oraskuu*;

• *Minula on kolmea vnučkua u yksi; pravnučkua.* – У меня три внучки и одна правнучка; – *bunukku, vunutku* – карельские варианты слов «внук», «внучка»;

• *Minä elän yksine kois, родительской kodi.* – Я живу одна в доме, родительский дом. – «Родительский» – *vahnembien*;

• *Sit поступил техникума сортавальской, se opastuin vuuzi vuottu.* – Потом поступила в сортавальский техникум, училась пять лет. – Варианта «поступить» в карельском словаре не представлено, используется глагол *lähtie* – «пойти» в школу/университет. Здесь русский глагол приобретает карельское окончание 1 л. ед. ч. прошедшего времени; сортавальский – *sortavalan*;

• *Huõ oldih istin karjalažet.* – Они были истинными карелами; – *tovelline* – истинный;

• *Kačommo novostilo* – смотрим новости – *uudizet* – новости;

• *Muamo ruadoi skotnoil... voibi toižen sanuo «ферма», dojärkannu ruadoi* – мама работала на скотной... можно сказать «ферма», дояркой работала; – *žiivattu* – скот, *fermu* – ферма.

Конгруэнтная лексикализация по П. Майскену (26 примеров). Для конгруэнтной лексикализации характерно смешение двух грамматических систем настолько, что сложно определить, какой язык является матричным, – процесс, при котором билингв практически произвольно использует языковые средства двух языков. К конгруэнтной лексикализации можно также отнести и случаи частого переключения кодов в рамках одного предложения: «*Mielytit? Oi, kui sanuo-to, математика u русский большие.*» («Нравились? Oi, как сказать-то...»); «*Yksi tyttär, tyttär v Питере eläy.*» («Одна дочь, дочь живет в Питере.») – двойной показатель для передачи местного падежа: карельский инессив с окончанием *-s* и русский предлог *в*; «*Физкультура самое любимое oli, ну äijy oli*...» («Физкультура самое любимое была, ну много было...»); «*Ogurčat, зимние, зимние, как сказать, сами выращивают u сами солят, kapustat, ogurčat v этих бочках, siendy*...» («Огурцы, зимние, зимние, как сказать,

сами выращивают и сами солят, капусту, огурцы в этих бочках, грибы...»); «*Ven'alakse. A, opastin inglisi, u vse, u ven'al, u английский язык...*» («По-русски. А, учила инглиш, и все, и русский, и английский язык...»); «*чтобы лишь huvä, удобно*» («чтобы лишь хорошо, удобно»); «*Minä pidäy сметану, солу, ржаная мука, пшеничную пополам, масло сливочное и luain тостан. Потом pyree, kartohkat [keitan], с пюре делаю...*» («Мне нужно сметаны, соли, ржаной муки, пшеничную пополам, масло сливочное и делаю тесто. Потом пюре, картофельное готовлю, с пюре делаю...»); «*škola финский, финский kieli*» («школа финская, финский язык»); «*Minä olin olimpiadas, даже Petroskoï на математической олимпиаде. И учитель ainos minui sanoï: "Pidäy физмат, физмат".*» («Я была на олимпиаде, даже в Петрозаводске на математической олимпиаде. И учитель всегда мне говорил: «Надо физмат, физмат.»»); «*Minun tuatan дедушка oli... konzi... [ ]...sit minun... мой прадедушка, значит, luadii мебель čotua, huvie дворянам luadii, даже Moscovah...*» («Мой дедушка по матери был... когда... потом мой... мой прадедушка, значит, делал красивую мебель, дворянам делал, даже в Москву.»).

Также во время опроса информантов были обнаружены особенности грамматической интерференции русского языка, проявляющейся во влиянии его некоторых грамматических конструкций, искажающих карельскую грамматическую норму. Были найдены особенности в использовании внутренне-местного падежа в случаях, нехарактерных для финно-угорской языковой системы. С финно-угорскими топонимами, включающими в себя корень *järvi* (озеро), при обозначении населенного пункта употребляется внешне-местный падеж (адесив): *elän Jänisjärvel* (по сути: «Я живу на озере», потому что жить «в озере» нельзя). В ливвиковском наречии наблюдается влияние русского языка: топоним осмысливается как населенный пункт, и утрачивается логическая связь с изначальным компонентом «озеро». Так, в речи информанток было обнаружено повсеместное использование внутренне-местного падежа (инессива): *elän Jänisjärves*. Другой пример грамматической интерференции русского языка наблюдается во фразе «Я из России», для которой в карельском языке предполагается использование внешне-местного падежа «*Olen Ven'alpai*» («Я с России»). Однако практически все информанты и информантки использовали в данной фразе внутренне-местный падеж инессив, который более соответствует русскому «из»: «*Olen Ven'aspai*». Лишь две носительницы языка употребили грамматически корректное «*Olen Ven'alpai*». Еще одним примером грамматической интерференции является употребление конструкции «Я есть голоден» – «*Olen nälläs*». В карельском языке используется конструкция «У меня есть голод» – «*Minul on nälläs*», но из-за тесного многолетнего контакта с русским языком в ливвиковском наречии было обнаружено частое употребление русскоязычной по форме конструкции (лишь одна информантка употребила «*Minul on nälläs*»).

Таким образом, при анализе интервью русско-карельских билингвов были найдены 89 примеров, иллюстрирующих активное смешение и переключение кодов в их речи, среди которых были выделены числительные, даты, вводные слова, междометия, союзы, а также полнозначные лексические единицы. Среди примеров нередко применение падежной системы и норм образования множественного числа существительных карельского языка к русскоязычным лексическим единицам. Также наблюдаются случаи использования информантами русскоязычных лексических единиц при наличии карелоязычных альтернатив. В

некоторых примерах билингвы практически произвольно применяют языковые средства двух языков, и грамматические системы языков смешиваются настолько, что сложно определить, какой язык является матричным.

Заключение. Спонтанная речь информантов-билингвов содержит большое число переключений кодов. Использование лексем, описывающих достижения науки и техники, реалии Советского Союза, высшего образования не столь замечательно, чем регулярное использование русскоязычных слов, относящихся к бытовому общению, русскоязычных дискурсивных единиц, союзов, наречий, вводных слов и конструкций. Объяснить наверняка выбор в пользу того или иного языкового варианта представляется затруднительным, так как на это влияет множество экстралингвистических (социолингвистических и психолингвистических) и собственно лингвистических факторов, среди которых приспособленность языка для использования в разных социальных сферах, конкретная языковая ситуация (с кем говорит информант, о чем, зачем, какой родной язык у собеседника). На выбор языковой единицы того или иного языка могут влиять и глубинные психические процессы, которые особенно «неуловимы» в спонтанной речи, когда информант может использовать языковую единицу, которую он быстрее вспомнил. Однако одним из главнейших факторов остается престиж языка в языковом сообществе и желание каждого отдельного носителя обращаться к родному языку, а не к русскому, например. Повлиять на престиж языка можно путем государственных реформ, нормативных актов, распространения языка в системе образования, официальной государственной повесткой, увеличением количества СМИ на данном языке. Сами информанты зачастую сокрушаются, что язык исчезает, потому что применить его нигде. При этом в последние годы набирает силу языковой активизм, носители языков объединяются, ведут онлайн аккаунты, посвященные языкам, развивают систему языковых гнезд, сами изучают и преподают языки. Остается надеяться, что наблюдения, сделанные в ходе этого исследования, являются лишь фиксацией процессов, характерных для всех билингвов и описывающих лишь один из возможных вариантов существования языка, а не наглядным примером постепенного бесповоротного языкового сдвига.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эбзеева Ю. Н., Тутова Е. В. Проблема переключения кодов и языковые контакты // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. 2012. № 3. С. 138–143.
2. Проценко А. Е. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике // Вестн. ВорГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 123–127.
3. Muysken P. Bilingual speech: a typology of code-mixing. Cambridge; NY: Cambridge Univ. Press, 2000.
4. Всероссийская перепись населения 2010 // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 08.01.2023).
5. Коми язык. Энциклопедия / отв. ред. Г. В. Федюнева. М.: Изд-во ДиК, 1998.
6. Всероссийская перепись населения 2020 // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 08.01.2023).
7. Некрасова Г. А. Дублирования в телевизионной речи коми билингва // Язык и культура. 2013. № 3 (23). С. 73–81.
8. Ерофеева Т. И. Лексические особенности русской речи коми билингвов // Евразийский вестн. гуманитарных исследований. 2016. № 1 (4). С. 92–99.

9. Пунегова Г. В. Реализация коми мягких согласных в чтении и пересказе русскоязычных билингов // Родные языки в условиях двуязычия: сб. материалов V междунар. науч.-практ. конф., Сыктывкар, 25–26 октября 2018 г. Сыктывкар: Коми республиканская академия государственной службы и управления, 2019. С. 305–314.

10. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990.

11. Всероссийская перепись населения 2002. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (дата обращения: 31.01.2021).

12. Atlas of the World's Languages in Danger // UNESCO. URL: <https://web.archive.org/web/20220215051145/http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> (дата обращения: 31.01.2021).

Информация об авторах.

Еришов Александр Александрович – аспирант кафедры физической электроники и технологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: радиофотоника, интегральная оптика, языки народов России.

Иванова Виктория Андреевна – магистрант (2-й курс, лингвистика) Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, миноритарные языки, гендерная лингвистика.

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социолингвистика, языковые контакты, языковая интерференция.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 31.07.2023; принята после рецензирования 06.09.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.*

REFERENCES

1. Ebzeeva, Yu.N., Toutova, E.V. (2012), "Code switch problem and language contacts", *Russian J. of Linguistics*, no. 3, pp. 138–143.

2. Prozenk, A.E. (2004), "Problem of code switching in foreign linguistics", *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 123–127.

3. Muysken, P. (2000), *Bilingual speech: a typology of code-mixing*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, NY, USA.

4. "All-Russian Population Census 2010" (2010), *Rosstat*, available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 08.01.2023).

5. *Komi yazyk. Entsiklopediya* [Komi language. Encyclopedia] (1998), Fedyuneva, G.V. (ed.), Izd-vo DiK, Moscow, RUS.

6. "All-Russian Population Census 2020" (2020), *Rosstat*, available at: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed 08.01.2023).

7. Nekrasova, G.A. (2013), "Duplications in television speech of Komi bilinguals", *Language and Culture*, no. 3 (23), pp. 73–81.

8. Erofeeva, T.I. (2016), "Lexical peculiarities of Komi bilinguals' Russian speech", *Evrasiiskii vestnik gumanitarnykh issledovaniy* [Eurasian Bulletin of Humanitarian Research], no. 1 (4), pp. 92–99.

9. Punegova, G.V. (2019), "Realization of Komi soft consonants in reading and retelling of Russian-speaking bilinguals", *Rodnye yazyki v usloviyakh dvuyazychiya* [Native languages in conditions of bilingualism], Syktyvkar, RUS, 25–26 Oct. 2018, pp. 305–314.

10. *Naselenie SSSR: Po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 g.* [Population of the USSR: According to the All-Union Population Census of 1989] (1990), Finansy i statistika, Goskomstat SSSR, Moscow, USSR.

11. *All-Russian population census 2002*, available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (accessed 31.01.2021).

12. "Atlas of the World's Languages in Danger", *UNESCO*, available at: <https://web.archive.org/web/20220215051145/http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php> (accessed 31.01.2021).

Information about the authors.

Alexander A. Ershov – Postgraduate at the Department of Physical Electronics and Technologies, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: microwave photonics, integrated optics, languages of the peoples of Russia.

Victoria A. Ivanova – Master Student (2nd year, linguistics), Saint Petersburg University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: language policy, minority languages, gender linguistics.

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology, 2019), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, language interference.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 31.07.2023; adopted after review 06.09.2023; published online 20.11.2023.*